Операция «Транзит»

Автор:
Борис Акунин

Операция «Транзит»

Борис Акунин

Смерть на брудершафт #9

«Смерть на брудершафт» – название цикла из 10 повестей в экспериментальном жанре «роман-кино». В повести «Операция „Транзит“» (девятой «фильме») рассказывается об отправке из Швейцарии в знаменитом запломбированном вагоне личности, призванной изменить ход русской истории.

Борис Акунин

Операция «Транзит»

Перед сеансом

7 апреля. Цюрих

По новой американской моде перед основным сеансом в качестве бесплатного «бонуса» (тоже заокеанское словечко) крутили кинохронику. Билет был самый дешевый, за 50 раппенов, на балконе и сбоку. Поверх кепи и котелков чертовых швейцарцев, которые еще со времен Вильгельма Телля чувствуют себя неуютно

с непокрытой головой, Зепп видел лишь верхнюю половину экрана. Не то чтоб его сильно занимала программа. Он взял билет в «Ориент-синема» скоротать время до условленного часа. Опять же нет лучше способа уйти от слежки, нежели когда выскальзываешь из темного зала во время сеанса. Вряд ли какая-либо из местных агентур обратила внимание на пролетария в потертой одежде, но, как говорят русские, береженого Бог бережет.

Уйти фон Теофельс рассчитывал через двадцать минут после начала афишной картины, а до той поры собирался прокрутить в голове детали и возможные повороты первого этапа предстоящей операции. Но когда на экране начали показывать кадры мартовских событий в Петрограде, поневоле отвлекся от деловых мыслей.

Вот как, оказывается, выглядит крах империи, что простояла триста лет и казалась несокрушимой. Просто валит по улице грязный весенний поток, пузырящийся флагами и транспарантами, и летят вверх шапки, и вздымаются руки. А когда камера берет ближний ракурс, видно, что все ужасно чему-то радуются. Разинутые в воплях рты, растянутые до ушей губы, ошалелые глаза. Бурная, выплеснувшаяся из берегов энергия, которая вышла из-под контроля. Когда-то, во время поездки по Сибири, майор видел ледоход на Иртыше. Как начал трескать и лопаться метровый слой льда, и серая шкура реки вздыбилась клочьями, и глыбы заторопились куда-то, налезая друг на друга, крошась, выкидываясь на берег.

В сущности, нужно радоваться, что противник, борьбе с которым посвящена вся твоя жизнь, забесновался, забился в корчах и сладострастно раздирает на себе мясо. Но одно дело прочесть в газетах про революцию, и совсем другое – увидеть, как это происходит.

Зеппа охватило странно тревожное чувство.

Русские события он воспринял так же, как все германцы: случилось нечто прекрасное и неожиданное, будто Господь наконец определился, на чьей Он стороне, и решил вознаградить Свой избранный народ за великое терпение и стойкость, приблизив конец испытаний.

Однако, глядя на экран, фон Теофельс вспомнил азбучную истину: революция не бывает концом, она всегда – начало. Куда устремится взрывная волна великой

высвободившейся стихии, когда ей станет тесно в каменных ущельях Петрограда? Вдруг из хаоса и содома выкуется сталь невиданной прочности? Ведь случилось же нечто подобное сто двадцать лет назад: орда голодранцев-санкюлотов в красных колпаках, под предводительством вчерашних лейтенантов, конюхов и кузнецов разбила европейские регулярные армии и подпалила весь континент.

Что-то стиснулось справа в животе, где еще толком не срослись продырявленные пулей кишки. Майор привычным жестом прижал к боку ладонь. И в ту же секунду было ему явлено провиденциальное, прескверное видение.

Объектив, скользивший по ликующей толпе петроградцев, на миг выхватил лицо молодого офицера. Оно сияло широкой, такою же, как у всех, улыбкой; над воротником виднелась обмотанная бинтами шея; на груди колыхался серый (на самом деле, вероятно, кумачовый) бант.

Хоть камера и уползла дальше, но никаких сомнений: это он! Он жив!

Зепп двинул кулаком по подлокотнику с такой силой, что хрустнуло дерево, а в боку будто распрямился моток колючей проволоки. На Теофельса заоборачивались.

Закусив губу, полускрючившись, он вслепую, стукаясь о чьи-то колени и наступая на галоши, стал продираться к выходу.

Воздуха, свежего воздуха!

В фойе было не так душно, как в прокуренном зале. Теофельс остановился перед зеркалом, поморщился на свою бледно-зеленую физиономию, поношенную куртку, засаленный картуз, плебейские усы подковой, а больше всего – на свою бабью впечатлительность. Нервы после ранения стали ни к черту.

Ну да, удивительное совпадение. И неприятно, что чертов щенок жив. Ходит, радуется – непонятно чему. Ведь того самого царя, из-за которого он получил пулю в горло, скинули к черту. И получается, что никакой победы мальчишка все-таки не одержал.

Однако майор привык быть честным с самим собой. Не в царе дело. Дело в том, что Йозеф фон Теофельс, лучший среди лучших, впервые потерпел поражение. Личное поражение. До сегодняшнего дня утешался лишь тем, что человек, который его победил, заплатил за свой триумф жизнью. Слабоватое утешение. А как только что выяснилось, еще и ложное.

Никогда Зепп не верил в дурные предзнаменования, а сейчас вдруг ощутил прилив мутной тоски. «Всё это плохо кончится», – проблеял тоненький, гнусный дискант. Вероятно, то был пресловутый внутренний голос.

И рассердился Теофельс. Скрипнул зубами. Дисканту велел заткнуться. Весть о том, что господин Алексей Романов жив, зачислил в разряд полезной информации: бог даст, еще встретимся. А потрепанная внешность и даже бледность были кстати – вписывались в легенду.

Всё к лучшему. Напоминание о неудаче перед важной операцией – лишний стимул для самомобилизации. Сдохни, а дело сделай. Второго провала подряд начальство не простит. Ты и сам себе его не простишь. Как не простил первого.

Майор по-собачьи встряхнулся, сбрасывая флюиды пессимизма. Улыбнулся зеркалу, подмигнул и вышел на залитую весенним солнцем Беатен-платц.

До рандеву двенадцать минут. Ну-ка! Смело, товарищи, в ногу, духом окрепнем в борьбе!

Он бодро прошелся по набережной искрящегося Лиммата, вживаясь в образ. Свернул в скверик, где назначена встреча. Достал из кармана и развернул номер городской газеты за прошлую среду, это был условленный знак.

Настроение было правильное, куражное, как в добрые старые времена, когда Теофельс, выходя на задание, ощущал себя властелином мира.

И тут – надо же – сбоку налетел мальчишка-газетчик. Должно быть, увидел старый номер «Нойе цюрихер цайтунг» и хотел предложить свежий, да не рассчитал разбега.

Прямо в раненый бок!

Зепп подавился стоном.

Газетчика ветром сдуло. Крикнул: «Tschuldigung!»[1 - Извиняюсь! (нем. – швейц.)] – и смылся, пока не накостыляли.

Согнувшись пополам, Теофельс ждал, когда перед глазами перестанут расплываться оранжевые круги.

– Isch bi ihne alles in ornig?[2 - С вами всё в порядке? (нем. – швейц.)] – участливо спросил какой-то добрый самарянин, деликатно взяв страдальца за локоть.

– Махт нихтс, махт нихтс, – просипел Зепп с русским акцентом. – Данке шён.

Выдавил улыбку, доплелся до скамейки, сел. Шесть минут у него оставалось, чтобы снова войти в рабочее состояние.

День дураков

Шестью днями ранее

– Как вы себя чувствуете? Знакомый голос раздался за спиной у майора фон Теофельса, когда тот сидел в кресле на застекленной веранде и мрачно разглядывал осточертевшую панораму госпитального парка.

Визит Монокля, заместителя разведывательного управления Генштаба, был неожиданностью. Превосходной, чудесной неожиданностью.

Теофельс был уверен, что после ноябрьской неудачи начальство поставило на нем крест. Из-за этого и хандрил, самоедствовал. Лечение продвигалось паршиво, доктора поговаривали о комиссовании, и Зепп с ними не спорил: по крайней мере, выход в отставку после тяжелого ранения выглядит почетно. А уж как был счастлив верный друг Тимо, что «собачья жизнь» закончилась и теперь

можно уйти на покой! Едва Зеппа перевели в отделение для выздоравливающих, как Тимо отправился в Теофельс – у него были грандиозные планы по ремонту и переустройству замка. Вряд ли слуга обрадовался бы визиту Монокля.

А Зепп дернулся, будто от живительного разряда тока во время электротерапевтической процедуры, вскочил с кресла молодцом, вытянулся по струнке.

– Отлично, господин генерал!

Монокль скептически его оглядел.

Проклятый халат! Проклятые шлепанцы! И щетина. Усы не подстрижены!

– М-да? Выглядите неважно. Осунулись. Бледны.

Лучшая оборона – наступление, а дерзость в разговоре с начальством свидетельствует об уверенности в себе.

Зепп сдвинул брови:

– Вряд ли вы приехали, чтоб поинтересоваться моим здоровьем, экселенц.

Генерал засмеялся:

– Хорошего же вы мнения о начальстве. Если я до сих пор вас ни разу не навестил, то лишь из-за чертовой уймы дел.

«Ну да, а сейчас у тебя каникулы, – подумал майор. – То-то рожа от бессонницы вся опухла». С каждой секундой Теофельс чувствовал себя всё лучше. Если Монокль лично притащился в госпиталь из ставки, за двести километров, то это могло означать лишь одно. Октябрьской докладной записке дан ход. Болваны начальники наконец поняли, что нет смысла распылять силы на ерунду.

За последние месяцы разведуправление фактически отказалось от стратегических операций, довольствовалось ролью служанки при командовании армии и флота. Главным направлением работы считалась диверсионная

деятельность. А что? Результаты наглядны, рапорты трескучи, награды гарантированы.

Но взрывы линкоров и военных заводов – глупости, мелочовка, бездарное разбазаривание денег и кадров. От сослуживцев Зепп знал, чем занималась разведка минувшей зимой. В январе осуществлены (блестяще, кто спорит) две грандиозно идиотские операции: одна в жанре «много шума из ничего», другая – «разбуди лихо».

Английская сеть устроила мощный взрыв на сильверстоунском заводе боеприпасов в пригороде Лондона. Фейерверк на полнеба, гром и молния, сто человек разнесло на куски, еще пара тыщ оглохла. Кто-то получил железный крест. А толку? Все вражеские запасы снарядов ведь не подорвешь.

Это еще ладно. Хоть проку мало, но и вреда для Германии нет – если не считать засвеченной из-за ерунды разведсети. Но за диверсию в штате Нью-Джерси, где немецкие агенты шандарахнули склад с полумиллионом артиллерийских снарядов, надо было бы поотрывать умникам из разведуправления головы. Взрыв стал для американцев, которые только ждали повода ввязаться в европейскую драку, последней каплей. Дипломатические отношения разорваны, со дня на день президент Вильсон объявит кайзеру войну. И что тогда? Конец?

– Война с американцами уже объявлена, экселенц? – спросил Зепп. – Поэтому вы и приехали?

– Это произойдет завтра. – Монокль перестал улыбаться. – Но приехал я не из-за американцев.

– Разумеется. Вы приехали из-за русских. Теперь, когда в войну вступает новый игрок, кто-то из старых должен уйти, иначе нарушится баланс. Поэтому вы вынули из-под сукна мой рапорт полугодовой давности о большевиках и их лидере.

Теофельс позволил себе проговорить всё это без малейшего намека на вопросительную интонацию. Он был абсолютно уверен в точности дедукции.

– Браво. Хоть вид у вас дохлый, но мозг работает так же четко, как раньше. Да, майор, ситуация в корне изменилась. Если осенью его величество с

негодованием отверг идею, то сейчас скрепя сердце дал согласие. В первые дни после свержения царя у нас была надежда, что новое русское правительство согласится на сепаратный мир. Мы предложили очень приличные условия. Но они были отвергнуты, с пафосом и негодованием. Поэтому выбора у нас не остается. Россию нужно взорвать изнутри. И вы в своем рапорте были абсолютно правы: нужно сделать ставку на единственную партию, которая последовательно и открыто добивается поражения своей страны. Справедлив и главный ваш тезис: хоть большевики не слишком сильны в масштабах всей России, их влияние на городские низы Петрограда весьма значительно, а перевороты, как известно, происходят в столицах. План детально разработан, утвержден во всех инстанциях и уже запущен. Остается последняя фаза, самая деликатная. Поэтому повторяю вопрос: в какой вы форме?

– Могу отправляться за линию фронта хоть сегодня, – сказал Зепп твердо и без бодрячества.

Он и в самом деле впервые за всё время ощутил себя совершенно здоровым и полным сил.

– За линию фронта отправляться не нужно. Ползать под колючей проволокой или плыть на субмарине вам не придется. Сядете на поезд и спокойно доедете до места назначения. События, от которых сейчас зависит исход войны, происходят в Швейцарии. Туда мы и хотим вас направить. Операция называется «Транзит».

– Лысый всё еще в Цюрихе? Революция длится уже почти месяц, а он не тронулся с места? Это на него не похоже.

В октябрьской докладной записке Теофельс помимо пораженческой стратегии большевиков и локальной влиятельности этой небольшой партии выделил еще один ключевой аргумент: наличие потенциального лидера. В агентурных документах немецкой резидентуры этот человек фигурировал под кодовой кличкой Kahlk?pfig, «Лысый».

– А как он попал бы в Петроград? – Генерал усмехнулся. – Дирижаблей, подводных лодок и «коридоров» через линию фронта у Лысого нет. Через Францию и Англию проехать он не может – его физиономия отлично известна контрразведкам союзников. Они ни за что не пропустят в Россию политика, выступающего за сепаратный мир. Как это называется по-русски – козу в огород?

– Козла, экселенц.

– А козлу очень хочется капусты, и от этого он начал беситься. Агентура докладывает, что Лысый пробует достать документы какого-нибудь глухонемого шведа и по ним проехать через Германию в Скандинавию, а оттуда в Россию.

– Почему обязательно глухонемого? – удивился Зепп.

– Потому что швед, не говорящий по-шведски, может показаться немножко подозрительным, – засмеялся Монокль. – Будет довольно глупо, если такого полезного человека упекут в шведскую каталажку, не правда ли? Поэтому мы решили помочь герру Лысому. Вступили с ним в контакт через надежных посредников. Согласовали условия транзита. Он и его соратники, ядро партии, пересекут территорию рейха в специальном вагоне. Ни проверки документов, ни просмотра багажа – ничего. Единственное наше условие: никаких контактов с внешним миром. Никто не должен знать об этой маленькой транспортной операции. Ни наши социал-демократы, ни пресса – никто. Даже в станционные буфеты или за газетами господам большевикам выходить запрещается. Мы приставим к ним отличного повара. Вагон будет словно бы запломбированным. Внутри – пустота, невидимки.

Начальник снова засмеялся. Идея невидимого вагона его веселила.

– План хорош, экселенц. Но зачем понадобился я? Если, конечно, вы не собираетесь меня использовать в качестве повара.

– Представляю, какой из вас повар, – хихикнул Монокль. – Когда понадобится кого-нибудь отправить на тот свет, непременно воспользуемся вашим кулинарным мастерством.

И внезапно сделался очень серьезен. Это был его любимый фокус: моментально перейти от шутливости к суровости, от приятельского тона к сугубой официальности.

– На германской территории проблем не возникнет. Иное дело – Швейцария. Сами знаете, что это за змеиное гнездо. Иногда мне кажется, что половину населения этой якобы мирной страны составляют шпионы, торговцы информацией, политические авантюристы всех мастей и национальностей.

Нельзя исключать, что сведения о нашей операции стали известны противнику. И русская разведка, конечно, сделает всё, чтобы Лысый не сел в наш поезд.

– Разве их сеть не дезорганизована революцией? – удивился Теофельс. – Я полагал, что при русской интеллигентской ненависти к специальным службам Временное правительство откажется от услуг «царских шпионов». Уж особенно в Швейцарии, где Охранка главным образом следила за эмигрантами.

– Именно в Цюрихе русские сейчас действуют активнее, чем когда-либо. Недавно появился новый резидент. Мы его пока не установили, знаем лишь агентурную кличку – «Люпус». Судя по всему, действительно lupus, опытный волк. У наших друзей австрийцев недавно пропал шеф разведывательной сети. Они подозревают, что это дело рук Люпуса. На всякий случай сменили все явки и шифры. Ваша главная задача, майор: обеспечить сохранность Лысого. Ничто не должно помешать ему сесть в волшебный вагон.

– Я должен буду вступить в контакт с большевиками?

– Да, но не в качестве майора фон Теофельса, а под прикрытием. С безопасностью у большевиков, как у всяких дилетантов, непорядок. Во-первых, может произойти утечка – а кому нужно, чтобы стало известно об участии германского офицера в операции? Во-вторых, это еще больше насторожит русскую агентуру. Нет-нет, никто не будет знать, кто вы на самом деле. Мы введем вас в окружение Лысого, а дальше действуйте по собственному усмотрению. У вас есть несколько дней, чтобы изучить досье на всех цюрихских большевиков. Сами выберете, кто вам удобней для первоначального контакта. Под это и подстроим вашу легенду. Впрочем, зная вашу методику, не сомневаюсь, что это будет дама.

Генерал подмигнул, давая понять, что официальная часть беседы закончена.

– Итак, майор, через шесть дней вы прибудете в Цюрих. До того времени извольте представить мне план действий, со всеми деталями. И ешьте побольше мяса, а то вы похожи на святого великомученика.

Дежурно улыбнувшись в ответ на смешок его превосходительства, Зепп попытался сообразить: какое это будет число?

– Вы должны быть в Цюрихе седьмого, – сказал Монокль, не в первый раз поразив Теофельса умением читать чужие мысли. – Ай-я-яй, майор. Неужто вы настолько раскисли, что перестали следить за числами? Сегодня первое апреля. День дураков. Надеюсь, дураки в этой истории – не мы с вами. А-ха-ха-ха…

И закатился, весельчак.

Не на ту лошадку

Глазами мужчины

Контакт приблизился справа, со стороны набережной. Зепп сразу узнал женщину по фотографии и внимательно рассмотрел в щель между газетным листом и низко надвинутым козырьком кепки.

Генерал не ошибся, когда предположил, что Теофельс предпочтет для «входа» использовать даму. Уж Моноклю ли было не знать, что его подопечный превосходно умеет работать со слабым полом.

Из цюрихского окружения Лысого майор выбрал особу относительно молодую и притом не прилепленную ни к какому мужчине, который нарушил бы энергетическую связь, что всегда возникает между представителями разных полов, когда оба свободны.

Понравиться эмоционально свободной женщине нетрудно, если имеешь опыт и обладаешь артистизмом. Здесь важно не ошибиться, с самой первой секунды взять нужную ноту, произвести правильное впечатление. Мадам симпатизирует нежным и застенчивым? Покраснеем и смутимся. Любит брутальных? Поприветствуем львиным рычанием. Млеет от умных? Проницательно прищуримся и тонко улыбнемся. Нет на свете неприручаемых зверушек, есть хреновые дрессировщики.

Но чем ближе подходила дылда в кургузом пальтишке и нелепой шляпке, тем тоскливей делалось на сердце у дрессировщика. Зепп, естественно, предполагал, что случай будет непростой. Антонина Краевская (кличка «Волжанка»), 32 лет, бывшая социалистка-революционерка, гражданский муж умер в тюрьме, сама тоже посидела, потом до эмиграции жила на нелегальном положении. В общем, не попрыгунья-стрекоза. С фотокарточек глядело суровое лицо с похоронными глазами, лоб пересекали две глубокие вертикальные морщины, волосы коротко стрижены. Стандартный «товарищ партиец» женского пола.

Однако снимки, как выясняется, еще льстили мадам Краевской. Ну и походка! Будто идет пролетарий после десятичасовой смены. А дымящаяся в углу рта папироса? А резкие повороты головы? Ряженый мужик, да и только.

Встречали таких, знаем. Бесполая фанатичка, тяготящаяся принадлежностью к женскому полу. Одна мечта в жизни – героически пасть на баррикаде.

В пятнадцатом году Зеппу довелось работать с одной кобылой из боевитых анархистов. Помог барышне стать революционной мученицей. Как раз нужно было убрать с дороги одного жандармского офицерика, севшего на хвост киевскому резиденту. Осторожен был, ни шагу без охраны. Обычными средствами не взять – какой же агент пойдет на верную смерть? А кобыла всадила в «опричника» всю обойму, прямо в упор, и даже убегать не стала. Пала геройской смертью под пулями, совершенно счастливая.

Неужто товарищ Волжанка из того же теста?

Зепп впился взглядом в долговязую, нескладную женщину, остановившуюся у соседней скамейки, где тоже сидел мужчина с газетой. Киевская анархистка принципиально не носила лиф, заматывала свой довольно пышный бюст бинтами. Как у Волжанки по части бюстгальтера? Что-то подозрительно плоскогруда. Откуда только у такой особы сын взялся (9 лет, имя Карл, живет с матерью)? Эх, надо было выбирать Мирру Локшину, кличка «Капля». Та хоть и с черной повязкой (окривела в девятьсот пятом), но единственный глаз на снимке сверкучий, живородящий.

Заметила, наконец. Подходит.

Вот и пароль:

– Какая удача! Я как раз искала «Цюрихер цайтунг» за минувшую среду.

Голос прокуренный, по-немецки говорит довольно чисто.

Ну, пора решать. Если это не женщина, а ошибка природы, упаси боже от всяких галантностей, улыбочек, оценивающих взглядов. Сразу антагонизируешь, и пиши пропало.

От «входа» (посредника, который вводит агента в исследуемую среду) зависит очень многое. Ты для них чужой. Но если кто-то свой, пользующийся полным доверием, не просто тебя привел, но еще и тебе симпатизирует, лед растает быстрее. Многократно проверено, действует лучше любых рекомендательных писем. Зепп неспешно сложил газету. Сделал вид, что лишь теперь увидел связного – и нисколько не удивлен тем, что это женщина. – Подобрал на вокзале, – произнес он отзыв по-русски, как и следовало.

Глазами женщины

Исхудалый, бледный человек с неряшливо подстриженными вислыми усами смотрел на Антонину спокойно, без любопытства, словно был с ней давно знаком. Сразу видно: человек не придает значения условностям и ухищрениям, ничего из себя не изображает. Хочет понять, с кем имеет дело. Себя не выпячивает, но и не прячет. Чем-то он напомнил ей Игоря.

Все сильные мужчины были похожи на Игоря. Была черта, которую Антонина чувствовала в людях сразу, только название подобрать затруднялась. Непреклонность? Не то. Принципиальность? Опять не то. Черта не имела отношения к идейным убеждениям. Просто есть те, кого испугать можно, и есть те, кого испугать нельзя. И сломать нельзя. Потому что есть в них некая внутренняя заноза, которая дороже жизни. Для таких людей вообще многое дороже жизни.

Вот Игорь ничего не пожалел, когда в тюрьме начал протестную голодовку. Ни себя, ни беременную жену. А время было страшное, девятьсот седьмой год. Палачи свирепствовали, вешали, на давление не поддавались. Игорь знал, что обрекает себя на мучительную смерть, что никогда больше не увидит Нину (в ласковые минуты он всегда звал ее «Ниной», а когда сердился – «Тоней»). И ребенка своего тоже не увидит. Но отступиться не мог, тогда он перестал бы быть собой. И как только она узнала от товарищей, что муж объявил голодовку, сразу надела черное. В знак траура по нему, по себе, по любви. Очень уж она его любила. Так сильно, что – знала – никакого мужчину больше полюбить не сможет.

Странно только, что, когда Игорь ей снился, она всегда начинала задыхаться. Это были не сладостные сны, а мучительные, и просыпалась Антонина от скрежета собственных зубов и ненавидящих рыданий. Ладно, сны – глупость. Человек за свои сны не отвечает.

Она крепко пожала приезжему руку – узкую, костлявую, сильную.

– Я получила письмо от выборгских товарищей. Хорошо, что вы приехали, товарищ Кожухов. Нам здесь не хватает таких людей, как вы.

– Каких это «таких»?

Улыбка у него была хорошая. Антонине нравилось, когда так улыбались: не во весь рот, а сдержанно. Зубоскалов, остроумцев, весельчаков она на дух не выносила. И сама улыбалась редко. Даже сыну.

– С боевым опытом. Теперь ведь придется сражаться не только словом, но и делом. Идемте, товарищам не терпится вас послушать. Расскажете, как там у нас, в России.

По легенде, «товарищ Кожухов» пробирался в Швейцарию кружным путем – через Швецию, Англию и Францию, чтобы сопровождать руководителей партии до финско-российской границы.

– Да я уж две недели как уехал. В Питере за это время много чего переменилось. Россия нынче так несется – дух перехватывает.

Он поднялся и оказался чуть ниже ростом. Большинство мужчин, обнаружив это неприятное для самолюбия обстоятельство, начинали дуться или тянуться кверху. Но Кожухов, кажется, этого даже не заметил.

– Насчет боевого опыта… – Он глядел на нее с интересом. – Товарищи говорили, что вы в свое время динамитные бомбы снаряжали. Правда или нет?

Вообще-то Антонина не любила, когда ей напоминали об эсэровском прошлом. Но решила, что ответит. С таким человеком лучше объясниться по этому скользкому поводу ясно и сразу.

– Правда. Но потом познакомилась со Стариком, и он открыл мне, что такое настоящий динамит. Знаете, как он говорит? «У эсэров истерический мазохизм, а у нас – исторический материализм».

Кожухов засмеялся, она улыбнулась.

Они пошли по дорожке, почти касаясь друг друга плечами.

Пожилой бюргер, которого Антонина чуть было не приняла за Кожухова (красноносый толстячок тоже держал в руках «Нойе цюрихер цайтунг»), теперь кормил голубей и приговаривал:

– Chum, gruu-gruu-gruu.

Поймав взгляд Антонины, добродушно тронул пегий ус, приподнял котелок.

– Hands no schon[3 - Приятного дня (нем. – швейц.)].

Она не ответила. Филистерская швейцарская благожелательность, цена которой медный грош, Антонину раздражала.

Среди товарищей

В старом городе

– Это социал-демократический клуб «Айнтрихт». – Женщина показала на чинное здание. По российским меркам в таком полагалось бы находиться какому-нибудь казенному присутствию. – Представляете, товарищ Кожухов, всего за две недели до революции Старик выступал тут перед швейцарскими рабочими, объяснял им ситуацию в России и говорил, что его поколение вряд ли дождется падения царизма. Даже Старик при всей мощи его ума не думал, что случится чудо! Ее спутник кивнул: – За границей вы засиделись, вот что. Издали плохо видать. У нас там в каждом хлебном «хвосте» толковали, что царю Николашке с царицей Сашкой скоро карачун. Куда мы идем-то, товарищ Волжанка?

– Пришли уже.

В угловом доме, расположенном напротив кирхи, из распахнутой двери пахло кислой капустой и свежесваренным пивом.

– Пивнушка, что ли? «Цум вейсен шван», – прочел товарищ Кожухов витиеватую надпись на вывеске. – У белой свиньи? Нет, «свинья» – «швайн».

– «У белого лебедя». Да, это рабочая пивная. Не удивляйтесь. Здесь это традиция – проводить собрания и даже идеологические диспуты в пивных. Никто при этом не напивается, все трезвые.

Они вошли в чистенькую залу с низким потолком. Товарищ Кожухов оглядел столы с белыми скатертями, аккуратно одетых людей, переговаривающихся вполголоса. Покачал головой:

– Это рабочие? Ну уж здесь-то точно пролетарской революции не дождешься.

– Ничего, мы поможем. Идем, идем. У нас тут своя комната, так и называется – «Sibirien», «Сибирь». Вон за той дверью.

В «Сибири»

Зепп вошел первым, потому что пропускать вперед «ошибку природы» было бы неосторожно – оскорбится. Пока он вел себя с нею правильно, Волжанка ему даже два раза улыбнулась: непривычная к этому маневру деревянная физиономия будто шла трещинами. А ведь, если приглядеться, не такая уж уродина. Ее бы приодеть да причесать – была бы женщина как женщина.

Войдя первым, Теофельс не только продемонстрировал межполовое равенство, но и получил пару лишних секунд, чтобы сориентироваться, идентифицировать фигурантов. Они молча уставились на чужака, потом перевели глаза на Волжанку, и за эти несколько мгновений Зепп срисовал всех, кто сидел за столом в крошечном зальчике.

Четыре человека из ближнего окружения Лысого. На каждого есть досье.

Невысокий, коренастый, с венчиком рыжеватых волос вокруг багровой плеши – это Людвиг Зонн, из швейцарских эсдэков. Цюрихский ангел-хранитель русских большевиков. Есть особая категория европейцев: русофилы-романтики. Приедет такой человек в Россию и влюбится. Просторы, сильные чувства, размашистые люди. В общем, полная антиевропа, а противоположности, как известно, притягиваются. Поскольку герр Зонн впервые попал в Россию во время прошлой революции, то влюбился в революционеров. И сам им стал. Швейцарский революционер – звучит смешно. Как пудель-людоед.

Улыбчивый, славный молодой человек с редеющими волосами и мягкой бороденкой – Ларион Малышев, партийная кличка «Малыш». Тоже романтик, но в ином роде. Он-то русский-разрусский, хоть в синематограф на роль Алеши Карамазова или князя Мышкина бери. Такие идут в революцию, плененные красотой идеи о рае на земле. Плениться слюнявой идеей нетрудно, если у человека родители – старые социалисты и вырос он в эмиграции, откуда так умилительно взирать на страдающую родину. При этом Малыш очень неглуп, прекрасно образован, считается перспективным теоретиком марксизма. Лысый его отличает и, кажется, даже любит – насколько способны любить мегаломаньяки с мессианским комплексом. А уж Малыш на своего кумира прямо молится. Бородку подстригает точно так же и даже слегка подкартавливает.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Извиняюсь! (нем. – швейц.)

2

С вами всё в порядке? (нем. – швейц.)

3

Приятного дня (нем. – швейц.)

Купить: https://tellnovel.com/ru/boris-akunin/operaciya-tranzit

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить